

М.С. Смолякова

**ФИЛОСОФСКО-ЭТИЧЕСКИЙ СМЫСЛ ИДЕИ САМОУБИЙСТВА
В ТВОРЧЕСТВЕ А.Н.РАДИЩЕВА**

Бог и человек, вера и неверие, жизнь и смерть – эти метафизические вопросы стали главными в нашей классической литературе XIX в. Но именно Радищев, которого принято считать лишь писателем-социологом, впервые

с такой определенностью обозначил их в своих художественных и философских сочинениях. При этом решение “вечных” вопросов приобретало у него глубоко личный, а потому и драматический характер.

Тема смерти и права человека на добровольный уход из жизни была одной из важнейших в его творчестве. На то были как объективные, так и субъективные причины. Особый интерес к проблеме смерти всегда возникает в кризисные, переходные исторические периоды, каковым является и эпоха Радищева, вторая половина 18 в. Обозначились признаки разложения крепостнической системы во всех областях русской жизни, что сопровождалось господством идей европейского Просвещения. Для этой идеологии характерны рационализм и механистический материализм. Утрата веры в какие бы то ни было общезначимые идеалы становится определяющим признаком такого мирозерцания. Смерть оказывается единственным незыблемым абсолютом.

Самоубийство Радищев считал своеобразным подвигом, суть которого он видел в преодолении человеком собственной природы, естественного и даже животного ужаса перед собственной смертью вне зависимости от ее причины. Поэтому добровольный уход из жизни, по его убеждению, требует мужества и силы духа.

В литературе XVIII в. обнаруживается множество примеров героизации смерти, когда воспевалось самоубийство античных героев-тираноборцев как проявление гражданской добродетели. И Радищев в “Путешествии из Петербурга в Москву” называл примером для подражания “благородного республиканца” Катона, который заколол себя кинжалом, не пожелав подчиниться диктатуре Цезаря. Но в тираноборческом самоубийстве автор книги видит также проявление естественного права человека, данного ему, как и жизнь, от природы. Воспользоваться этим правом способна только сильная и свободолюбивая личность. Страх смерти порождает рабство духа, согласие жить в унижающих обстоятельствах. Поэтому самоубийство иногда является единственным способом защиты своего человеческого достоинства и своих естественных прав.

Размышления о смерти неизбежно сопровождались у Радищева попытками решить вопрос о бессмертии, найти рациональные и чувственные доказательства возможности жизни после смерти. Но он никогда не задумывался о значении веры в бессмертие как этического императива в земной жизни человека. Его отношение к религии, как у большинства идеологов западного Просвещения, было утилитарным. Он усматривал “полезность” идеи бессмертия в том, что она облегчает уходящему из жизни нравственные страдания.

Следуя духу времени, Радищев пытался логически обосновать идею Бога. С одной стороны, в традициях Руссо он трактовал Бога как мирового

механика. С другой стороны, в традициях платонизма и натурфилософии Радищев превозносил совершенство мироздания, проистекающее из Божественной премудрости. Признавая непостижимую сущность Бога – Творца, он все же определял его атрибуты: вечность, бесконечность, абсолютность, всесилие, всещедрость, премудрость... Неустанно воздавая хвалу Господу, обращая к Нему свои восторженные молитвы, Радищев нигде не коснулся религиозно-догматических оснований идеи бессмертия души. Ни воздаяние, ни Страшный суд, ни христианская эсхатология не нашли осмысления в его творчестве.

Радищев сомневался в официальной церкви, которая “отклонилась своего пути” и “вдалася суеверию”, всяческие обряды называл мистицизмом и “мракобесием”, не считал существенными для веры церковные догматы. А если и верил в Бога, то Бога безличного, не русского, не христианского. В стремлениях Радищева найти логические ответы на вопросы “есть Бог”, “несть Бога”, есть смерть, нет смерти – обнаруживается своего рода этический конфликт между Радищевым-мыслителем и Радищевым-человеком. В минуты горестей и страданий, во дни гонений и напастей Радищев освобождался от “блужданий” своего разума и доверялся голосу своего искреннего сердца. И перед лицом собственной кончины Радищев уже не вспоминал о диалектике смерти, о героическом самоубийстве, о Катоне и вряд ли чувствовал себя Сократом. Он жаждал прощения и обрел успокоение у ног русского Бога.

Радищев вошел в историю русской литературы прежде всего как автор “гневно-обличительной” книги “Путешествие из Петербурга в Москву”. Но он был не только писателем-социологом, но и писателем-философом, осмысливающим вечные этические проблемы. В то же время глубокая и противоречивая фигура Радищева оказывалась шире философских систем, к которым его пытались причислить. Так что вопрос об этических воззрениях писателя – это, прежде всего, вопрос о личности Радищева, “блюдящего во мраке истины” и, возможно, обретшего ее на пороге небытия.